

www.volsu.ru

РУСЬ, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И СССР В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.6>

UDC 94(47).04

LBC 63.3(2)43

Submitted: 23.06.2020

Accepted: 01.10.2020

PATRONAGE AND CLIENTELE IN THE MUSCOVITE STATE IN THE 16th AND 17th CENTURIES: HISTORIOGRAPHY AND THE KEY ISSUES

Mikhail M. Krom

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The paper deals with the phenomenon of patron-client relations in sixteenth- and seventeenth-century Russia, which until recently has been almost completely neglected by the scholars. Relying on recent publications and his own findings, the author addresses the key issues of the topic including the origins of this phenomenon in Russia, the typology of patron-client relations and their specifics in Muscovy. **Methods and materials.** The paper combines a survey of the current historiography with examination of selected primary sources (mainly private letters from archival collections) and forays into the theory of patron-client relations elaborated by social scientists. Comparing the Muscovite patronage system to its counterparts in other European countries enables some hypotheses about the peculiarities of patron-client relations in pre-Petrine Russia. **Analysis.** Addressing the problem of the origins of the Russian patronage the author traces the evolution of social relations and the appearance of the specific language of patronage which leads him to a conclusion that the phenomenon in question might have emerged by the end of the 16th century. Proceeding then to the typology of patron-client relations, the author assumes that, although only aristocratic patronage has been thoroughly studied so far, similar phenomena can be detected in other milieus as well, including the Church, where nepotism and corporate clientelism flourished. Finally, the author isolates some specific features of the Muscovite patronage, especially its depoliticized and decentralized character, as contrasted to the analogous phenomena in Poland-Lithuania, England, and France. **Results.** Summing up the present-day knowledge of the Muscovite patronage, the author highlights it as a typically early modern phenomenon that evolved within the official state institutions and functioned as an addendum to them.

Key words: Patronage, Clientelism, Muscovite State, early modern Europe, historical comparison.

Citation. Krom M.M. Patronage and Clientele in the Muscovite State in the 16th and 17th Centuries: Historiography and the Key Issues. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 66-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.6>

УДК 94(47).04

ББК 63.3(2)43

Дата поступления статьи: 23.06.2020

Дата принятия статьи: 01.10.2020

© Кром М.М., 2021

ПАТРОНАТ И КЛИЕНТЕЛА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI–XVII вв.: ИСТОРИОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА

Михаил Маркович Кром

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются ключевые проблемы патрон-клиентских отношений в допетровской Руси, которые до недавнего времени не становились предметом изучения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Опираясь на недавние публикации по этой теме и собственные исследования, автор суммирует всё, что на данный момент известно о феномене патроната в России XVI–XVII вв., и намечает пути его дальнейшего изучения. *Методы и материалы.* Критический обзор имеющейся научной литературы сочетается в статье с анализом важных источников (главным образом частных писем из архивных собраний) по обсуждаемой теме. Теоретическую базу работы составляют труды «пионеров» изучения данной междисциплинарной темы в социальных науках (К. Ланде, Ш.Н. Эйзенштадта и др.), а применение сравнительно-исторического метода позволяет лучше понять специфику патроната в Московской Руси. *Анализ.* Отталкиваясь от новейших исследований, посвященных патрон-клиентским отношениям в конце XVII в. и в годы царствования Михаила Федоровича, автор ставит вопрос об истоках этой системы и приходит к выводу о ее складывании к концу XVI века. Переходя далее к анализу разновидностей патрон-клиентских отношений в Московской Руси, автор констатирует, что их истинный масштаб остается неясным. Хотя на данный момент относительно изученным можно считать только патронат в придворной среде, это явление, несомненно, существовало и в церковной среде, где обнаруживаются такие его виды, как nepotизм и корпоративный клиентелизм. В заключительной части статьи ставится вопрос о специфике московского патроната. Сопоставляя его с аналогичными явлениями в других странах, автор приходит к выводу о том, что патрон-клиентские отношения в России XVI–XVII вв. были деполитизированы и децентрализованы. *Результаты.* Один из основных выводов статьи состоит в том, что патронат в Московской Руси, при всей своей специфике, представлял собой типичный феномен раннего Нового времени, возникший внутри официальных структур формирующегося современного государства и функционировавший как дополнение к ним.

Ключевые слова: патронат, клиентелизм, Московское государство, Европа раннего Нового времени, историческое сравнение.

Цитирование. Кром М. М. Патронат и clientela в Московском государстве XVI–XVII вв.: историография и проблематика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 66–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.6>

Введение. Институт неформального покровительства, именуемый в социальных науках патронатом или клиентелизмом, – явление, обнаруживаемое повсеместно в самые разные эпохи, от древности до наших дней. Это явление оказалось на переднем крае исследований антропологов, социологов и политологов в 60–70-е гг. XX в., когда стали выходить труды Дж. Скотта, К. Ланде, Р. Лемаршана и других выдающихся ученых, заложивших основы современных представлений о патронате и клиентеле (см. обзор и удачную подборку ключевых статей в русском переводе: [14]).

Историки открыли для себя эту тему несколько позднее, но уже в 1980-х гг. увидели свет такие работы, как книга Ш. Кеттеринга о клиентелизме во Франции времен Людовика XIV [28], сейчас считающаяся классикой жанра; статьи Л.Л. Пек о патронате в Англии при первых Стюартах [15], В. Тыгельского – о магнатской клиентеле в Речи Посполитой конца XVI – XVII в. [20] и др.

Что касается патроната в российской истории, то до второй половины 1990-х гг. оте-

чественные ученые не занимались подобной проблематикой, и все, что было написано на эту тему начиная с 1970-х гг., принадлежало перу зарубежных русистов: Д. Рансела [35], Д. Орловски [34] и др. При этом внимание исследователей было сосредоточено на двух эпохах – Российской империи XVIII–XIX вв. и советском периоде. Однако истоки изучаемого явления оставались невыясненными, поскольку патронат в допетровской Руси до недавнего времени не становился предметом специального исследования.

Более того, по утверждению одного из пионеров изучения патрон-клиентских связей в России, Дэвида Рансела, «характер и стиль» этих отношений становятся видимы только в XVIII столетии, а до того «историки могут наблюдать фундаментальные узы семьи и родства, но не более гибкие связи патрона и клиента», и причиной тому – нехватка источников [35, S. 211]. Сходное мнение высказал и другой американский историк – Роберт Крамми: в исследовании, посвященном боярству XVII в., он заявил, ссылаясь на недостаток свидетельств современников, что реконструк-

ция системы патроната в России невозможна в принципе [25, р. 10, 103]. Как будет показано ниже, подобный пессимизм не оправдан: дело не в недостатке источников, а в отсутствии до недавнего времени специальных исследований, посвященных патрон-клиентским связям в Московском государстве допетровского времени.

После выхода книги М.Н. Афанасьева «Клиентелизм и российская государственность» [1] эта тематика вошла наконец в круг интересов отечественных историков и обществоведов. К настоящему времени опубликованы уже несколько монографий и ряд статей о патронате в России XVIII–XIX вв. [7; 9; 10; 26]. Продолжаются и исследования советского клиентелизма (см., например, специальный номер американского журнала «Критика», посвященный этой теме: [27]). На этом фоне наименее изученной по-прежнему выглядит ранняя история российского патроната: публикации, посвященные патрон-клиентским связям в Московской Руси, все еще немногочисленны, а те из них, что вышли в российских научных изданиях, можно пересчитать по пальцам одной руки [11, с. 465–470; 12; 18; 19, с. 100–108].

В предлагаемой статье предпринята попытка в какой-то мере восполнить указанный пробел. На основе имеющихся публикаций и собственных исследований я постараюсь обобщить то, что нам сегодня известно о патронате в Московском государстве XVI–XVII вв., а также намечу ряд дискуссионных и нерешенных вопросов, требующих дальнейшего изучения.

Методы и материалы. В этой статье традиционные приемы историографического анализа сочетаются с проблематикой патрон-клиентских отношений – междисциплинарного направления исследований, где пересекаются интересы истории, антропологии, социологии и политологии. Сравнительно-исторический метод позволяет поместить изучаемый феномен социальной жизни Московии XVI–XVII вв. в более широкий европейский контекст и помогает лучше понять специфику русского клиентелизма того времени. А наработки социологов, антропологов и политологов в изучении патрон-клиентских отношений дают возможность существенно углубить понимание анали-

зируемого явления и сформулировать адекватные исследовательские вопросы.

В качестве основного вида источников в статье использована частная переписка XVI–XVII вв., в том числе – из архивных собраний Санкт-Петербурга.

Анализ. Как уже было сказано выше, клиентелизм является совершенно новой темой в изучении допетровской Руси, и формирование этого поля исследований происходит на наших глазах.

В качестве отправной точки предлагаемого историографического обзора уместно избрать «круглый стол» о патронате и клиентеле в России, состоявшийся в 2003 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге. В нем приняли участие специалисты по разным периодам отечественной истории, от XVI до начала XX века. Публикация материалов этой дискуссии [13], как уже отмечено в литературе [9, с. 92], дала толчок исследованиям патрон-клиентских отношений в России, включая и этап их зарождения в допетровской Руси.

Один из участников упомянутого «круглого стола», П.В. Седов, опубликовал в 2006 г. небольшую статью о боярских «хлебожцах» и свойственниках [18]; он также включил этот материал в качестве отдельного параграфа в свою монографию о царском дворе конца XVII в. [19, с. 100–108].

Показательно, что статья П.В. Седова, – по существу, первая работа, специально посвященная патрон-клиентским отношениям в допетровской Руси, – начинается с обсуждения слов, которыми в изучаемую эпоху называли клиентов: «вскормленник», «хлебожец», «держальник». Все три слова подчеркивали материальную зависимость бедного дворянина от могущественного покровителя, в доме которого он, бывало, жил, за столом которого кормился; но слово «вскормленник», как отмечает Седов, имело и символическое значение: в обращении к патрону оно было знаком уважения и элементом просьбы о заступничестве [18, с. 134].

Такое внимание к языку патроната вполне оправданно, поскольку нигде, за исключением Древнего Рима, покровители и их подопечные не обозначались четкими правовыми терминами (типа «патрон» и «клиент»). В ходу

были разнообразные эвфемизмы: например, в Европе раннего Нового времени патроны часто называли своих клиентов «друзьями» (*amici*) [28, p. 14–15; 33, s. 18–19, 32–34]. Такое словоупотребление вполне интернационально: московские аристократы в конце XVII в. тоже называли своих клиентов «приятелями» и «старыми знакомцами» [30, S. 326]. Поэтому знание языка патроната, наряду со знанием контекста, – это ключ к обнаружению интересующего нас явления, которое не любит огласки и охотно прибегает к мимикрии.

В статье П.В. Седова затронут еще один важный аспект обсуждаемой темы – обмен услугами между патронами и их клиентами. Ученый полагает, что клиенты выполняли различные поручения своего покровителя и, составляя боярскую свиту, поддерживали его престиж и достоинство. В свою очередь, бояре способствовали успеху своих подопечных на царской службе: в статье приведен целый ряд примеров пожалования боярских «хлебожцев» и «держальников» в московские придворные чины в 1670-е годы [18, с. 135–142].

Понятно, однако, что описанная П.В. Седовым практика сложилась гораздо раньше: в недавно вышедшей статье А.П. Павлова о патрон-клиентских отношениях в годы царствования Михаила Федоровича и в его книге о думных и придворных чинах того же периода упомянуто немало случаев покровительства бедным дворянам со стороны столичной знати [12, с. 85–89; 11, с. 465–468]. Известно, что многие беспоместные жильцы (низший чин Государева двора) получали кров и пищу в домах своих благодетелей, которые, кроме того, снаряжали их на службу. Своей блестящей карьерой при дворе Д.И. и И.Д. Милославские и Б. М. Хитрово – если ограничиться самыми яркими примерами – были обязаны протекции благоволивших им «сильных людей».

Заслуживает также внимания наблюдение А.П. Павлова об устойчивости и наследственности патрон-клиентских отношений: узы покровительства связывали между собой целые семьи и передавались из поколения в поколение. Эти отношения в первой половине XVII в., по мнению исследователя, «были весьма распространенным явлением» [12, с. 91].

Таким образом, при первых Романовых система патроната предстает перед нами уже в сложившемся виде. Но в какой эпохе в таком случае нужно искать ее истоки?

Судя по имеющимся отрывочным данным, в 80-е гг. XVI в. интересующее нас явление уже существовало и, что важно, описывалось теми же словами, что и в XVII веке.

Еще в 1993 г. Б.Н. Флоря опубликовал два письма русских дипломатов, дворянина Елизара Ржевского и дьяка Захария Свизева, обнаруженные им в Главном архиве древних актов в Варшаве. Письма эти были посланы в апреле 1587 г. в Москву из Литвы, где посланники находились тогда с миссией по вопросу об избрании на престол Речи Посполитой царя Федора Ивановича. Их донесения были перехвачены на литовской границе, скопированы, и эти копии сохранились в архиве Радзивиллов.

Адресованная думному дьяку А.Я. Щелкалову грамотка Захария Свизева начинается фразой, характерной для писем клиентов своим патронам: «Государю Ондрею Яковлевичу вскормленник твой челом бьет» [21, с. 163]. В том же легко узнаваемом стиле выдержано и письмо московского дворянина Елизара Ржевского боярину Б.Ф. Годунову: «Государу моему, Борису Федоровичу, вскормленник твой, Елка Ржевски, чолом бьет. Прошу, государ, у Бога милости, чтобы мне очи твои, государа своего, видети в радость» [21, с. 163]. В конце донесения, после деловой части, сделана приписка: «А покажи, государ, милость, Борис Федорович: давно ты пожаловать приказал племеннику моему, который у мене живет, у Ржевским в поместной изби отделать, покажи поместишко дать» [21, с. 164].

Таким образом, оба дипломата оказались клиентами и, надо полагать, доверенными лицами могущественных сановников – думного дьяка А.Я. Щелкалова и конюшего боярина Б.Ф. Годунова. Грамотки недвусмысленно свидетельствуют о том, что и практика, и риторика патрон-клиентских отношений были хорошо известны при дворе царя Федора Ивановича (1584–1598).

Самое раннее упоминание подобного рода отношений встретилось мне в послании новгородского архиепископа Феодосия бояри-

ну В.Г. Морозову, датируемом примерно концом 1542 г. (в одном из сохранившихся списков адресат именуется Василием Григорьевичем, но из контекста ясно, о каком боярине с таким именем и отчеством идет речь). Отвечая, очевидно, на просьбу своего корреспондента, архиепископ сообщил: «Да писал еси, господине, к нам о своем священнике о Григорьи, чтоб нам его устроити в соборе у Святых Софии неизреченной премудрости Божии, и ныне, господине, в Софейском соборе места порожего нет. А как, оже даст Бог, место церковное будет, и яз, господине, твоего для слова его в Софейском соборе однолично устрою». Но, обещая оказать боярину эту услугу, Феодосий, в свою очередь, рассчитывал на помощь В.Г. Морозова в важном для себя деле – получении государевой грамоты по делу о церковной дани с холмогорских попов (очевидно, не желавших ее платить новгородскому владыке) [22, л. 131].

Следует ли, однако, объяснять отсутствие более ранних свидетельств такого рода просто дефицитом источников, или редкость упоминаний о патронате и клиентеле в XVI в., – особенно бросающаяся в глаза на фоне богатства подобных материалов в XVII в., – отражает редкость самого явления на начальном этапе его существования? Хотя, разумеется, находки ранее неизвестных свидетельств возможны и очень желательны, я все же склоняюсь ко второму объяснению.

Необходимо учесть, что институт патроната и клиентелы, каким мы его знаем в XVII–XVIII вв., сложился в условиях, когда царская, то есть государственная, служба играла центральную, системообразующую роль в жизни дворянского сословия. Но ведь так было не всегда. Мне уже приходилось писать о том, что в первой половине XVI в. великокняжеская служба была, возможно, самым престижным, но отнюдь не единственным вариантом карьеры сына боярского. Продолжали существовать уделы, в том числе – Дмитровский (до декабря 1533 г.) и Старицкий (до 1569, с перерывом в 1537–1541 гг.). Не только члены правящей династии, но и князья рангом пониже продолжали чувствовать себя «государями» в своих владениях: они держали собственные дворы и командовали отря-

дами вассалов, служивших им «по крепостям» (то есть в статусе холопов) или на положении вольных слуг (подробнее см.: [8, с. 425–426, 429; 29, р. 310–314]).

Наглядное представление о соотношении царской службы и службы иным лицам (которую можно условно назвать «частной») в середине XVI в. дает Дозорная книга Тверского уезда, которую издавший ее заново А.В. Антонов датировал 1551–1554 гг. [6]. Этот источник интересен тем, что содержит сведения о том, кому служили перечисленные там помещики и вотчинники. По моим подсчетам, из 1 173 упомянутых в книге землевладельцев лишь 489, то есть меньше половины, служили царю, а 168 – другим господам, в том числе – тверскому епископу, князьям Микулинским и т. д. Еще 220 чел. заявили, что никому не служат [8, с. 427].

К концу XVI в. от подобной «вольницы» не осталось и следа. Отныне ратная служба прочно ассоциировалась с царским войском; и отпрыск знатного княжеского рода, и мелкопоместный помещик – оба были обязаны явиться в полк, только один – в качестве воеводы, а другой – в качестве рядового воина. И вот *внутри* этой официальной структуры, заданной обязательной царской службой, стали складываться неформальные отношения покровительства. Такова вообще природа патрон-клиентских связей, которые, как в свое время отметил политолог Карл Ланде, играют роль дополнения или «надстройки» по отношению к официальным структурам [32, р. XVII–XVIII].

Датирующим признаком служит и лексика патрон-клиентских отношений: судя по процитированным выше письмам Е. Ржевского и З. Свиязева, к 1580-м гг. она уже вполне сложилась. Дипломатам, очевидно, не было нужды самим изобретать цветистые риторические формулы: к их услугам были писемовники – образцы писем к лицам разного статуса (князю, вельможе, иноку и т. д.). Традиция составления таких формулярных сборников восходит к XV в.; известно несколько их редакций и множество списков (см. подробнее: [5]).

Небольшой писемовник, сохранившийся в рукописи Российской национальной библиотеки (РНБ, СПб ДА, № 430), хронологически

очень близок к письмам Е. Ржевского и З. Свизева: А.С. Демин датирует его временем «не ранее 1570 г.» [5, с. 94]. Этот письмовник примечателен тем, что в нем содержится образец нового жанра письма, который не встречался мне в более ранних сборниках подобного рода. Уже по первым строкам можно догадаться, что речь идет о послании человека своему покровителю: «Государю, имярек, вскормленник твой, имярек, челом бьет. Дай Бог ты, государь мой, здоров был на многие лета; слыша, государь, твое здоровье, сердечно радуюся...» и т. д. [16, л. 36 об.]. Появление в письмовнике конца XVI в. слова «вскормленник», как и самого образца почтительного самоуничижительного послания клиента своему благодетелю, свидетельствует об общественной потребности в такого рода риторике.

Суммируя приведенные выше наблюдения, можно высказать предположение о том, что складывание патрон-клиентских отношений в России началось в XVI в., причем решающая фаза этого процесса пришлась на последнюю треть указанного столетия.

Распространенность и многообразие патрон-клиентских отношений в XVII в., когда они вступили в период расцвета, побуждает историков их как-то классифицировать. Обычно в основу типологии кладутся мотивы покровительства, которое знатный и влиятельный человек оказывал бедному дворянину. Так, П.В. Седов, выступая на упомянутом выше круглом столе по проблемам патроната и клиентов в российской истории, выделил три типа покровительства: на основе родства, соседства и духовного родства (крестные отцы и дети, завещатели и их душеприказчики) [13, с. 264–265]. А.П. Павлов в недавно опубликованной статье так же различает факторы родства и земельных (соседских) связей между патронами и клиентами, добавляя к этим двум типам покровительства еще один, обусловленный совместной службой [12, с. 90].

На мой взгляд, предложенные типологии адекватно описывают различные ситуации и контексты, в которых возникали патрон-клиентские отношения. Но все они относятся к мирянам, а точнее – к разным стратам служилого сословия. Между тем клиентелизм существовал и в церковной среде, и этот тип патроната остается наименее изученным.

Дошедшие до нас комплексы архивных документов XVII в. проливают свет на патрон-клиентские отношения внутри церковных стен. К числу таких комплексов относится архив Вологодского архиерейского дома. В петербургской части этого архива мое внимание привлекли грамоты архиепископа Гавриила, занимавшего Вологодскую кафедру с 1684 по 1707 год. В одной из них, адресованной митрополиту суздальскому и юрьевскому Иллариону и датированной 30 ноября 1686 г., Гавриил просил за близких ему людей – своего родственника Ивана Кичигина, суздальского сына боярского, и некоего Осипа Дудина: «Вознадеяся на милость благоутробия твоего, прошу твоего архиерейства: пожалуй, государь, буди милостив к Ивану Кичигину, к Осипу Дудину, а мы на твою святительскую премногую милость надежны» [2, л. 4].

Другая грамота, адресованная думному дьяку Посольского приказа Емельяну Игнатьевичу Украинцеву, написана в феврале 1687 года. На этот раз Гавриил просил за своего зятя, стольника Дмитрия Иванова сына Неелова, поехавшего на царскую службу. Дошедший до нас черновик послания содержит многочисленные зачеркивания и исправления: очевидно, владыка тщательно подбирал слова, чтобы его просьба прозвучала как можно убедительнее. Вот один из вариантов: «Пожалуй ради нашего прошения, о каких он, Дмитрий, нуждицах своих будет тебе о заступлении бити челом, сотвори, благодетель мой, милость: буди к нему, Дмитрею, милостив и всякое вспоможение ему чини. А мы, смиреннии, за заочную твою милость долженствуем Бога молить. А аще благоволит Господь Бог нам смиренным видети очи твои, тогда тебе, государю, будем бити челом» [3].

И по стилю, и по содержанию эти грамоты очень напоминают просьбы о покровительстве, которые десятками получали князь В.В. Голицын и другие влиятельные бояре (о просьбах, адресованных В.В. Голицыну, см.: [18, с. 136–142]). С давних времен – вспомним процитированную выше грамоту новгородского архиепископа Феодосия боярину В.Г. Морозову (ок. 1542 г.) – церковные иерархи поддерживали неформальные контакты со столичной верхушкой, и это позволяло им по-

кровительство родне и добиваться нужных для себя решений.

Отношения особого рода связывали монастыри с их вкладчиками. Начиная с XVI в. есть немало примеров покровительства влиятельных царедворцев почитаемым ими обителям. Так, казначей И.И. Третьяков, принадлежавший к роду Ховриных-Головиных, являвшихся вкладчиками Симонова монастыря, возможно, содействовал получению этой обителью четырех великокняжеских жалованных грамот. Он же выступил в 1543 г. судьей в земельном споре между Симоновым и Николаевским Угрешским монастырями и предсказуемо вынес решение в пользу первого из них (подробнее см.: [31, S. 135]).

То, что применительно к XVI в. можно только предполагать, в XVII в. выступает со всей очевидностью. Так, Т.В. Сазонова связывает получение в 1650-х гг. Кирилло-Новозерским монастырем царских жалованных грамот и, соответственно, рост монастырских доходов с покровительством со стороны боярина Б.И. Морозова, который был вкладчиком этой обители [17, с. 188]. П.В. Седов привел ряд примеров покровительства влиятельных вкладчиков «своим» монастырям: князей Прозоровских – Тихвинскому Успенскому, князя И.Б. Репнина и С.И. Заборовского – Пафнутьево-Боровскому, а князя И.И. Дашкова – Тихвинскому Введенскому [19, с. 94–96, 306, 418–419].

В ранее опубликованной статье я высказал предположение о том, что покровительство монастырям со стороны их вкладчиков вполне можно рассматривать как разновидность патрон-клиентских отношений [31, S. 136–137, 142]. Подобная трактовка может вызвать сомнения и возражения, поскольку она противоречит привычным представлениям о патронате и клиентеле: кого в таком случае следует считать клиентом? Настоятеля монастыря? Или всю монастырскую братию? Да и вкладчиков-покровителей у обители могло быть несколько. Не пропадет ли здесь столь важный для изучаемого явления эмоционально-личный характер отношений между патроном и клиентом? Однако при более детальном анализе выясняется, что отношения вкладчиков и покровительствуемого ими монастыря вполне соот-

ветствуют базовым признакам патроната (перечень этих признаков см. в классической статье Ш. Эйзенштадта и Л. Ронигера: [23, с. 376–377]).

Прежде всего отношения вкладчиков и опекаемой ими обители, несомненно, носили с обеих сторон добровольный и долгосрочный характер, поддерживались длительное время, порой – на протяжении нескольких поколений, когда члены одной семьи делали вклады в монастырь и там же находили последний приют. Налицо и такой важный, с точки зрения теоретиков клиентелизма, признак, как обмен ресурсами и услугами: высокие покровители не только поддерживали «свои» монастыри щедрыми пожертвованиями, но и защищали их интересы в московских приказах, а монастырские власти, в свою очередь, вносили имена вкладчиков и их родителей в синодики, посылали наиболее влиятельным из них гостинцы (например, – рыбу) и т. д. При этом, разумеется, символический обмен включал в себя не только материальные блага, но и блага духовные.

Обращения монастырских старцев к московским покровителям выдержаны в стиле, характерном для писем клиентов своим патронам. Вот, например, грамота архимандрита Спасо-Прилуцкого монастыря Ионы «с братией» боярину князю И.А. Воротынскому (год в тексте не указан, и грамота датируется по времени пребывания Ионы во главе монастыря 1654–1671 гг.). Начав с «челобитья» «государю боярину князю Ивану Алексеичу», старцы после нескольких этикетных фраз переходят к изложению своей просьбы: «...милости, государь, просим, князь Иван Алексеич: о чем придет к твоей милости слушка наш стряпчей Марчко, пожалуй, государь, для дома чудотворцева призри своим милосердием, а мы должны Бога молить о твоём многолетнем здравии соборне и келейне» [4].

Будучи разновидностью патрон-клиентских отношений, патронат над монастырем имел свою специфику. Во-первых, в отличие от отношений в миру, здесь речь не шла об услугах лично игумену или архимандриту: в переписке постоянно подчеркивалось, что все благодеяния совершаются ради небесных покровителей (в случае Спасо-Прилуцкого монастыря – чудотворцев Дмитрия и Игна-

тия), монахи же служили лишь посредниками. А если учесть, что боярин или иной думный человек, хлопоча о царской жалованной грамоте для «своей» обители, также оказывал ей посреднические услуги, то получается, что «брокерство» существовало с обеих сторон. Так патронат земной и небесный соединялись в монастырской повседневности.

Во-вторых, прошения, вроде процитированной мною грамоты Ионы, носили коллективный характер: архимандрит или игумен, обращаясь к столичному покровителю, выступал от имени своей церковной корпорации, и именно ее интересы брался защищать боярин или дьяк, бывший вкладчиком этого монастыря. Поэтому такого рода отношения вполне могут быть определены термином «корпоративный клиентелизм», различные формы которого описаны исследователями традиционных обществ (подробнее см.: [32, р. XXX–XXXII]).

Впрочем, в церковной среде, как явствует из проанализированных выше писем вологодского архиепископа Гавриила, существовал и банальный nepотизм – покровительство родственникам и свойственникам.

Таким образом, патронат допетровского времени очень многолик, и пока преждевременно говорить о том, что нам известны все его формы и разновидности. Более того, истинный масштаб интересующего нас явления остается неясным: историки судят о степени распространения патрон-клиентских отношений «на глазок», отталкиваясь от изученных ими «кейсов» и проанализированных источников. Между тем исследование этой темы идет крайне неравномерно: больше всего известно о патронате внутри придворной аристократии; изучение клиентелизма в церковной среде только начинается, а вопрос о существовании патрон-клиентских отношений в других социальных стратах (например, в купеческой среде) еще даже не был поставлен.

При таком состоянии исследовательского поля неудивительно, что многие аспекты обсуждаемой темы не получили пока убедительной трактовки. В частности, не вполне ясны мотивы, побуждавшие придворную аристократию тратить немалые средства на содержание «хлебожцев» и «держальников». Выгоды последних как раз понятны, но вели-

ка ли польза, которую они приносили своим благодетелям?

Принято считать, что боярские «держальники» служили своим господам «на посылах», исполняли различные их поручения [18, с. 134; 12, с. 85–86]. Возникает, однако, вопрос: почему теперь бедным дворянам поручали то, с чем раньше (вплоть до XVI в.) успешно справлялись тиуны-холопы, включая управление господской вотчиной и даже представление отсутствующего господина в суде?

П.В. Седов указывает также на соображения престижа: «держальники» из числа дворян сопровождали хозяина в дороге, «придавая достоинство его выезду», и служили в его доме в качестве дворецкого, казначея, конюшего и т. д. Тем самым боярин, по мнению ученого, утверждал свой высокий статус – подобно польскому пану, набравшему свиту из безземельной шляхты [18, с. 134–135].

Звучит вполне убедительно, включая параллель между боярином и польским паном. Но хотелось бы видеть больше конкретных примеров, реальных жизненных эпизодов. Приходится признать, что о княжеско-боярских дворах XVI–XVII вв. мы знаем пока гораздо меньше, чем о замках польских магнатов того же времени.

Наконец, А.П. Павлов полагает, что зная с помощью системы покровительства укрепляла свое влияние в дворянской среде, что, в свою очередь, стало одним из важных факторов упрочения ее положения «как высшего правящего слоя в государстве» [12, с. 85, 91]. На мой взгляд, однако, этот вывод носит несколько умозрительный характер. Можно ли рассматривать русскую аристократию XVII в. как монолитную группу, сознательно манипулировавшую рядовым дворянством в своих политических интересах? Или ее, несомненно, возросшее влияние следует считать ненамеренным совокупным эффектом действия множества различных факторов?

Пытаясь оценить в целом значение и возможные последствия системы патрон-клиентских связей в допетровской Руси, мы неизбежно ступаем на неизведанную почву. И здесь нам не обойтись без параллелей с другими странами, в которых этот социальный институт давно и плодотворно изучается историками.

Ранее я уже писал о том, что в целом ряде аспектов патронат и клиентела в Московской Руси XVI–XVII вв. обнаруживают несомненное сходство с подобными явлениями в европейских странах того же времени. Как и повсюду, нашим главным и незаменимым источником служит частная переписка: ведь зачастую только там можно найти подробности неформальных контактов, требовавших тишины и полного доверия. Универсален и легко узнаваем язык патроната, с характерными для него эвфемизмами (например, словами «друг», «приятель» в отношении клиентов), самоуничижением и заверениями патрона в абсолютной преданности [30, S. 324–326].

По этим и другим базовым признакам (прежде всего – месту в структуре общества) русский патронат XVI–XVII вв. может быть охарактеризован как типичный феномен раннего Нового времени, сформировавшийся *внутри* официальных государственных структур и функционировавший параллельно с ними.

Но, наряду с общими чертами, патронат в каждой стране имел свою специфику. По мнению А.П. Павлова, особенностью Московского государства было то, что неформальные связи между патронами и их клиентами существовали «в условиях самодержавно-служилого строя, обязательной службы членов служилого сообщества государю». Поэтому, считает ученый, «патронатно-клиентельные отношения не приобрели в Московской Руси столь явственного, открытого характера, как, например, в соседней Речи Посполитой» [12, с. 84].

С последним утверждением мне трудно согласиться. Повсюду в Европе раннего Нового времени – и Московское государство не является здесь исключением – патрон-клиентские отношения были хорошо известным, хотя обычно не афишируемым и уж во всяком случае не регулируемым законами явлением. Степень открытости обсуждаемого явления в той или иной стране трудно оценить, но сам факт общеупотребительности таких слов, как «держальник», «хлебояжец», «вскормленник» и т. д., в России XVII в. говорит о том, что тайной эти отношения точно не являлись.

На мой взгляд, главное различие между системами патроната в Речи Посполитой и России XVI–XVII вв. лежит совсем в другой

плоскости. Польские и литовские магнаты использовали свою клиентелу из числа шляхты для принятия нужных решений и избрания подходящих кандидатов на провинциальных сеймиках. Некоторые сеймики в первой половине XVII в. из-за доминирования там «партии» Радзивиллов получили выразительное название «радзивилловских» [24, s. 194–204].

Ничего подобного не было в Московской Руси. Нет данных о каких-либо попытках знать использовать свое влияние в дворянской среде для достижения политических целей: например, для избрания боярских «держальников» на земский собор. В отличие от Речи Посполитой, где существовала сфера публичной политики, московская политика была гораздо более закрытой. Соответственно, иными были и цели использования клиентелы.

В заключение отмечу еще одну особенность московского патроната, которая также, по-видимому, была связана с политическим строем. Дело в том, что в странах Западной Европы монархи (например, английские) играли активную роль в системе патроната; историки говорят поэтому о феномене королевского патронажа [15]. Но инициатива царских пожалований, как явствует из исследований П.В. Седова и А.П. Павлова, как правило, исходила от его придворных; какую-то самостоятельную линию «царского патронажа» проследить не удается.

Кроме того, существует пример Франции XVII в., где, как показала Ш. Кеттеринг, королевские министры успешно использовали свою клиентелу на юге страны, в Лангедоке, для проведения политики централизации [28]. Но нам ничего не известно об использовании патрон-клиентских связей правительством первых Романовых для укрепления единства огромной страны.

Таким образом, система московского патроната, похоже, имела диффузную структуру: единого направляющего центра в ней не было.

Результаты. Один из основных выводов этой статьи состоит в том, что патрон-клиентские отношения в Московском государстве представляли собой типичный феномен раннего Нового времени, включавший в себя как ряд общих черт, характерных для всей Европы, так и местную специфику.

Есть основания полагать, что в России эта система сложилась к концу XVI века.

При нынешнем уровне наших знаний трудно представить себе истинный масштаб обсуждаемого явления. На данный момент лучше изучены патрон-клиентские связи в среде придворной аристократии, но, несомненно, эти отношения проникли и в церковную среду, где удалось обнаружить nepотизм и корпоративный клиентелизм.

Особенности московского патроната выясняются на фоне аналогичных социальных институтов в других странах Европы. В отличие от магнатов Речи Посполитой, бояре не использовали свою клиентелу в дворянской среде для лоббирования собственных интересов в публичной политике (за почти полным отсутствием таковой), а царь и его правительство, в отличие от монархов Англии и Франции, не прибегали к механизму патрон-клиентских связей как инструменту управления страной. В итоге можно высказать предположение о том, что система московского патроната была деполитизирована и децентрализована.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев, М. Н. Клиентелизм и российская государственность: исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России / М. Н. Афанасьев. – 2-е изд., доп. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 320 с.
2. Грамота архиепископа вологодского Гавриила митрополиту суздальскому и юрьевскому Иллариону с просьбой об оказании покровительства Ивану Кичигину и Осипу Дудину. 30 ноября 1686 г. (черновик) // Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – НИИ СПбИИ РАН). – Кол. 117. – Оп. 1. – Д. 1709. – 5 л.
3. Грамота архиепископа вологодского Гавриила [думному дьяку] Емельяну Игнатьевичу [Украинцеву] с просьбой об оказании покровительства его свойственнику – стольнику Дмитрию Иванову сыну Неелова. 27 февраля 1687 г. (черновик) // НИИ СПбИИ РАН. – Кол. 117. – Оп. 1. – Д. 1753. – 1 л.
4. Грамота архимандрита Спасо-Прилуцкого монастыря Ионы боярину князю Ивану Алексеевичу [Воротыньскому]. 1654–1671 гг. // НИИ СПбИИ РАН. – Ф. 271. – Оп. 1. – Д. 670. – 1 л.
5. Демин, А. С. Вопросы изучения русских письмовников XV–XVII вв. / А. С. Демин // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. – Т. 20. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 90–99.
6. Дозорная книга 1551–1554 гг. // Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / сост. А. В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2005. – С. 144–310.
7. Копелев, Д. Н. На службе Империи: немцы и Российский флот в первой половине XIX века / Д. Н. Копелев. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. – 338 с.
8. Кром, М. М. Частная служба в России XVI века / М. М. Кром // Русское средневековье: сб. ст. в честь проф. Юрия Георгиевича Алексева. – М.: Древлехранилище, 2012. – С. 422–432.
9. Лавринович, М. Б. Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Федоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. / М. Б. Лавринович // Российская история. – 2016. – № 3. – С. 91–110.
10. Леонов, М. М. Салон В.П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. / М. М. Леонов. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2009. – 388 с.
11. Павлов, А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. / А. П. Павлов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – Т. 1. – 784 с.
12. Павлов, А. П. Патронатно-клиентельные отношения при московском дворе в годы царствования Михаила Федоровича / А. П. Павлов // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 4. – С. 84–98.
13. Патронат и клиента в истории России (материалы «круглого стола») // Новая политическая история: сб. науч. работ. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге: Алетейя, 2004. – С. 255–287.
14. Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. – М.: Полит. энцикл., 2016. – 415 с.
15. Пек, Л. Л. «Для короля не проявлять щедрость было бы ошибкой»: взгляд на патронаж при дворе первых Стюартов в Англии / Л. Л. Пек // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. – М.: Полит. энцикл., 2016. – С. 149–184.
16. Письмовник конца XVI века // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. – Ф. 537. – Оп. 1 (Собрание Санкт-Петербургской духовной академии. – № 430. – Л. 35 об.–50).
17. Сазонова, Т. В. Кирилло-Новозерский монастырь: опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. / Т. В. Сазонова. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. – 416 с.

18. Седов, П. В. Боярские «хлебояжцы» и свойственники / П. В. Седов // *Времена и судьбы* : сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. – СПб. : Европейский Дом, 2006. – С. 133–142.

19. Седов, П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века / П. В. Седов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 604 с.

20. Тыгельский, В. Фракция, которая не могла проиграть / В. Тыгельский // *Патрон-клиентские отношения в истории и современности* : хрестоматия. – М. : Полит. энцикл., 2016. – С. 116–148.

21. Флоря, Б. Н. Частные письма русских дипломатов XVI века / Б. Н. Флоря // *Исторический архив*. – 1993. – № 3. – С. 162–164.

22. Формулярник новгородского архиепископа Феодосия // *Российская национальная библиотека. Отдел рукописей*. – Ф. 550 (Основное собрание рукописных книг). – Q. XVII. 50. – 377 л.

23. Эйзенштадт, Ш. Н. Патрон-клиентские отношения как модель структурирования социального обмена / Ш. Н. Эйзенштадт, Л. Ронигер // *Патрон-клиентские отношения в истории и современности* : хрестоматия. – М. : Полит. энцикл., 2016. – С. 366–413.

24. Augustyniak U. W służbie hetmana i Rzeczypospolitej. Klientela wojskowa Krzysztofa Radziwiłła / Urszula Augustyniak. – Warszawa : Semper, 2004. – 398 s.

25. Crummey, R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689 / R. O. Crummey. – Princeton ; N. J. : Princeton University Press, 1983. – XVI, 315 p.

26. Fediukin, I. For Love and Fatherland: Political Clientage and the Origins of Russia's First Female Order of Chivalry / I. Fediukin, E. A. Zitser // *Cahiers du monde russe*. – 2011. – Vol. 52/1. – P. 5–44.

27. From the Editors. Late Soviet Politics as Patron-Client Relations // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2013. – Vol. 14, № 2. – P. 237–242.

28. Kettering, S. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France / S. Kettering. – N. Y. ; Oxford : Oxford University Press, 1986. – X, 332 p.

29. Krom, M. Private Service and Patronage in Sixteenth-Century Russia / M. Krom // *Russian History*. – 2008. – Vol. 35, № 3–4. – P. 309–320.

30. Krom, M. Formen der Patronage im Russland des 16. und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext / M. Krom // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 2009. – Bd. 57. – H. 3. – S. 321–345.

31. Krom, M. Die Kirche und der Klientelismus in der Moskauer Rus' des 16. und 17. Jahrhunderts / M. Krom // *Religionsgeschichtliche Studien zum östlichen Europa: Festschrift für Ludwig Steindorff zum 65. Geburtstag*. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2017. – S. 133–143.

32. Landé, C. H. Introduction: The Dyadic Basis of Clientelism / C. H. Landé // *Friends, Followers, and Factions: A Reader in Political Clientelism* / ed. by S. W. Schmidt [et al.]. – Berkeley ; Los Angeles ; L. : University of California Press, 1977. – P. XIII–XXXVII.

33. Maćzak, A. Ungleiche Freundschaft. Klientelbeziehungen von der Antike bis zur Gegenwart / A. Maćzak. – Osnabrück : Fibre Verlag, 2005. – 485 s.

34. Orlovsky, D. T. Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective / D. T. Orlovsky // *Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia* / ed. by T. H. Rigby and Bohdan Harasymiv. – L. : George Allen & Unwin, 1983. – P. 174–199.

35. Ransel, D. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia / D. Ransel // *Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit* / Hg. A. Maćzak. – München : R. Oldenbourg Verlag, 1988. – S. 211–231.

REFERENCES

1. Afanasyev M.N. *Klijentelizm i rossiyskaya gosudarstvennost: issledovaniye kliyentarnykh otnosheniy, ikh roli v evolyutsii i upadke proshlykh form rossiyskoy gosudarstvennosti, ikh vliyaniya na politicheskiye instituty i deyatelnost vlastvuyushchikh grupp v sovremennoy Rossii* [Clientelism and Russian Statehood: A Study of Client Relations, Their Role in the Evolution and Decline of Past Forms of Russian Statehood, Their Impact on Political Institutions and the Activities of Ruling Groups in Modern Russia]. 2nd ed. Moscow, Moskovskii obschestvennyi nauchnyi fond, 2000. 320 p.

2. Gramota arkhiepiskopa vologodskogo Gavriila mitropolitu suzdalskomu i yuryevskomu Illarionu s prosboy ob okazanii pokrovitelstva Ivanu Kichiginu i Osipu Dudinu. 30 noyabrya 1686 g. (chernovik) [A Letter of Gavriil, Archbishop of Vologda, to Illarion, Metropolitan of Vladimir and Yuryev with a Request for Protection of Ivan Kichigin and Osip Dudin. November 30, 1686 (Draft)]. *Nauchno-istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN* [The Scientific and Historical Archive of Saint Petersburg Institute of History (NIA SPbII RAN)], col. 117, op. 1, d. 1709. 51.

3. Gramota arkhiepiskopa vologodskogo Gavriila [dumnomu diaku] Emelianu Ignatyevichu [Ukraintsevu] s prosboy ob okazanii pokrovitelstva ego svoystvenniku – stolniku Dmitriyu Ivanovu synu Neyelova. 27 fevralya 1687 g. (chernovik) [A Letter of Gavriil, Archbishop of Vologda, to the Duma Dyak Emelyan Ignatyevich Ukraintsev with a Request for the Protection of His Relative Stolnik Dmitry Ivanov, the Son of Neelov. February 27, 1687 (Draft)]. *NIA SPbII RAN* [The Scientific and Historical Archive of

Saint Petersburg Institute of History], col. 117, op. 1, d. 1753. 11.

4. Gramota arkhimandrita Spaso-Prilutskogo monastyrya Iony boyarinu knyazyu Ivanu Alekseevuchu [Vorotynskomu]. 1654–1671 gg. [A Letter of Iona, Archimandrite of Spaso-Prilutskii Monastery, to the Boyar and Prince Ivan Alekseevich Vorotynskii. 1654–1671]. *NIA SPbII RAN* [The Scientific and Historical Archive of Saint Petersburg Institute of History], f. 271, op. 1, d. 670. 11.

5. Demin A.S. Voprosy izucheniya russkikh pis'movnikov XV–XVII vv. [Aspects of the Russian Letter-Writing Manuals Study, 15th–17th Centuries]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury AN SSSR* [Proceedings of the Division of the Old Russian Literature, Institute of the Russian Literature, The Academy of Sciences of the USSR]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, vol. 20, pp. 90–99.

6. Dozornaya kniga 1551–1554 gg. [The Survey (Cadastral) Book of 1551–1554]. Antonov A.V., ed. *Pistsovyie materialy Tverskogo uyezda XVI veka* [The 16th Century Cadastral Documents of the Tver' Uyezd]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2005, pp. 144–310.

7. Kopelev D.N. *Na sluzhbe Imperii: nemtsy i Rossiiskii flot v pervoi polovine XIX veka* [In the Service of the Empire: The Germans and the Russian Fleet in the First Half of the 19th Century]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010. 338 p.

8. Krom M.M. Chastnaya sluzhba v Rossii XVI veka [Private Service in the Sixteenth-Century Russia]. *Russkoe srednevekovye: sb. st. v chest' prof. Yuriya Georgievicha Alekseeva* [The Russian Middle Ages. Collection of Articles in Honor of Professor Yurii Georgievich Alekseev]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2012, pp. 422–432.

9. Lavrinovich M.B. Kak possorilis' Nikolai Petrovich s Alekseem Fedorovichem: patron-klientskiye otnosheniya v russkom obshchestve rubezha XVIII–XIX vv. [How Nikolai Petrovich and Aleksei Fedorovich Had Quarreled: Patron-Client Relations in the Russian Society at the Turn of the 18th and 19th Centuries]. *Rossiiskaya istoriya*, 2016, no. 3, pp. 91–110.

10. Leonov M.M. *Salon V.P. Meshcherskogo: patronat i posrednichestvo v Rossii rubezha XIX–XX vv.* [V.P. Meshcherskii's Salon: Patronage and Mediation in Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries]. Samara, Izd-vo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2009. 388 p.

11. Pavlov A.P. *Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie: v 2 t.* [The Duma and Chamber Servitors of Tsar Mikhail Romanov: A Prosopographic Study. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2018, vol. 1. 784 p.

12. Pavlov A.P. Patronatno-klientel'nye otnosheniya pri moskovskom dvore v gody tsarstvovaniya Mikhaila Fedorovicha [Patron-Client Relations at the Muscovite Court Under the Reign of Mikhail Fedorovich]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2019, no. 4, pp. 84–98.

13. Patronat i klientela v istorii Rossii (materialy «kruglogo stola») [Patronage and Clientele in Russia's History (Proceedings of the Round Table)]. *Novaya politicheskaya istoriya: sb. nauch. rabot* [The New Political History. Collection of Scientific Works]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Aletheia Publ., 2004, pp. 255–287.

14. *Patron-klientskiye otnosheniya v istorii i sovremennosti: khrestomatiya* [Patron-Client Relations in History and Modernity. Chrestomathy]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. 415 p.

15. Peck L.L. «Dlya korolya ne proyavlyat' shchedrost' bylo by oshibkoi»: vzglyad na patronazh pri dvore pervykh Stuartov v Anglii [“For a King Not to be Bountiful Were a Fault”: Perspectives on Court Patronage in Early Stuart England]. *Patron-klientskiye otnosheniya v istorii i sovremennosti: khrestomatiya* [Patron-Client Relations in History and Modernity. Chrestomathy]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016, pp. 149–184.

16. Pis'movnik kontsa XVI veka [A Late Sixteenth-Century Letter Writing Manual]. *Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka. Otdel rukopisei* [The Russian National Library. The Manuscript Division], f. 537, op. 1 (Collection of the Saint Petersburg Theological Academy), no. 430, l. 35ob.–50.

17. Sazonova T.V. *Kirillo-Novoezerskii monastyr': opyt izucheniya malykh i srednikh monastyrei Rossii XVI–XVII vv.* [Cyril-Novoezerskii Monastery: An Essay in Exploration of Russia's Small and Middle-Range Monasteries, the 16th and 17th Centuries]. Moscow, Saint Petersburg, Alians-Arkheo Publ., 2011. 416 p.

18. Sedov P.V. Boyarskie «khleboyazhtsy» i svoistvenniki [The Boyars' “Khleboyazhtsy” and Relatives]. *Vremena i sud'by: sb. st. v chest' 75-letiya Viktora Moiseevicha Paneyakha* [Times and Destinies. Collection of Articles in Honor of 75th Anniversary of Viktor Moiseevich Paneyakh]. Saint Petersburg, Evropeyskii Dom Publ., 2006, pp. 133–142.

19. Sedov P.V. *Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskii dvor kontsa XVII veka* [The Decline of the Muscovite Tsardom: The Royal Court at the End of the 17th Century]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 604 p.

20. Tygielski V. Fraktsiya, kotoraya ne mogla proigrat' [The Faction Which Could Not Lose]. *Patron-klientskiye otnosheniya v istorii i*

sovremennosti: khrestomatiya [Patron-Client Relations in History and Modernity. Chrestomathy]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016, pp. 116-148.

21. Floria B.N. Pis'ma russkikh diplomatov XVI veka [The Letters of the 16th Century Russian Diplomats]. *Istoricheskii arkhiv*, 1993, no. 3, pp. 162-164.

22. Formularnik novgorodskogo arkhiepiskopa Feodosiya [Formulaic Collection of Letters Written by Archbishop Feodosii of Novgorod]. *Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka. Otdel rukopisei* [The Russian National Library. The Manuscript Division], f. 550 (The Main Collection of Manuscript Books), q. XVII. 50. 377 l.

23. Eisenstadt Sh.N., Roniger L. Patron-klientskiye otnosheniya kak model' strukturirovaniya sotsialnogo obmena [Patron-Client Relations as a Model of Structuring Social Exchange]. *Patron-klientskiye otnosheniya v istorii i sovremennosti: khrestomatiya* [Patron-Client Relations in History and Modernity. Chrestomathy]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016, pp. 366-413.

24. Augustyniak U. *W służbie hetmana i Rzeczypospolitej. Klientela wojskowa Krzysztofa Radziwiłła*. Warszawa, Semper, 2004. 398 s.

25. Crummey R.O. *Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689*. Princeton (New Jersey), Princeton University Press, 1983. XVI, 315 p.

26. Fediukin I., Zitser E.A. For Love and Fatherland: Political Clientage and the Origins of Russia's First Female Order of Chivalry. *Cahiers du monde russe*, 2011, vol. 52/1, pp. 5-44.

27. From the Editors. Late Soviet Politics as Patron-Client Relations. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2013, vol. 14, no. 2, pp. 237-242.

28. Kettering S. *Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1986. X, 332 p.

29. Krom M. Private Service and Patronage in Sixteenth-Century Russia. *Russian History*, 2008, vol. 35, no. 3-4, pp. 309-320.

30. Krom M. Formen der Patronage im Russland des 16. und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2009, Bd. 57, H. 3, S. 321-345.

31. Krom M. Die Kirche und der Klientelismus in der Moskauer Rus' des 16. und 17. Jahrhunderts. *Religionsgeschichtliche Studien zum östlichen Europa: Festschrift für Ludwig Steindorff zum 65. Geburtstag*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2017, S. 133-143.

32. Landé C.H., Schmidt S.W. et al., eds. Introduction: The Dyadic Basis of Clientelism. *Friends, Followers, and Factions: A Reader in Political Clientelism*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1977, pp. XIII–XXXVII.

33. Maćzak A. *Ungleiche Freundschaft. Klientelbeziehungen von der Antike bis zur Gegenwart*. Osnabrück, Fibre Verlag, 2005. 485 S.

34. Orlovsky D.T. Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective. Rigby T.H., Harasymiv B., eds. *Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia*. London, George Allen & Unwin, 1983, pp. 174-199.

35. Ransel D. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia. Maćzak A., ed. *Klientelssysteme im Europa der Frühen Neuzeit*. München, R. Oldenbourg Verlag, 1988. S. 211-231.

Information About the Author

Mikhail M. Krom, Doctor of Sciences (History), Professor of Comparative Studies in History, European University at Saint Petersburg, Gagarinskaya St, 6/1, 191187 Saint Petersburg, Russian Federation, krom@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1703-5475>

Информация об авторе

Михаил Маркович Кром, доктор исторических наук, профессор исторической компаративистики, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 6/1А, 191187 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, krom@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1703-5475>